

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

**СЕРГЕЙ
КРЕМЛЁВ**

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН
ОДИНЯЙТЕСЬ!

1917

**ФЕВРАЛЬ – ДЛЯ ЭЛИТЫ,
ОКТЯБРЬ – ДЛЯ НАРОДА!**

Исторические открытия

Сергей Кремлев

**1917. Февраль – для элиты,
Октябрь – для народа!**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)61

Кремлев С.

1917. Февраль – для элиты, Октябрь – для народа! /
С. Кремлев — «Алисторус», 2016 — (Исторические открытия)

ISBN 978-5-906880-66-6

В начале 1917 года в России шли два параллельных процесса. Российская элита выполняла заказ Антанты и готовила февральский переворот, чтобы обеспечить Америке вхождение в войну. Активно действовала в России и разведка США. А народ пока ещё подспудно, но готовился расстаться с прогнившим царизмом. Февральский переворот начинался как спецоперация элит, но быстро обрел всенародный масштаб. С весны 1917 в стране мощно и уверенно заявило о себе движение большевиков, которым поверили и за которыми пошли простые люди. Если Февраль обеспечили деньги англосаксов, то Октябрь – та правда, с которой приехал в Россию Ленин.

УДК 94(47)"1917"

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-906880-66-6

© Кремлев С., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Несколько слов о теме книги	6
Америка, Европа и Россия до 1917 года: краткий экскурс в историю	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Кремлев

1917. Февраль – для элиты, Октябрь – для народа!

© Кремлев С., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

*И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин – такой молодой,
И юный Октябрь впереди...*

Из песни Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова 1974 года

Несколько слов о теме книги

Открывая эту небольшую книгу, читатель должен быть сразу же извещён о некоем обстоятельстве, а именно: название книги охватывает тему русского 1917 года более широко, чем содержание книги. Для достаточно полного и внятного описания всех значащих событий и всех аспектов 1917 года в России – от начала второй русской революции в феврале 1917 года до третьей русской революции в октябре 1917 года – потребовался бы капитальный том. Да ещё и не один. Моя же задача намного скромнее – осветить лишь некоторые аспекты новейшей истории России, которая неотвратимо развивалась в сторону того или иного революционного взрыва и которая взорвалась в 1917 году сразу двумя революциями – в феврале (по новому стилю – в марте) и в октябре (по новому стилю – в ноябре).

Соответственно, 2017 год – это год двух столетних революционных юбилеев: 100-летней годовщины Февральской буржуазно-демократической революции и 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Столетний юбилей Февраля для путинской «России» – дата вполне лояльная. С одной стороны, ВВП почитает, конечно, «Государя-императора» Николая Второго и Последнего, а с другой стороны, в феврале 1917 года либералы его (Николая) свергли. Но свергли-то в интересах имущей элиты, свергли во имя либеральных ценностей, так что с юбилеем Февраля у проолигархического путинского Кремля особых проблем нет. Столетие Февраля-1917 для царствующего, но не правящего Владимира Путина и его окружения – дата приемлемая.

Иначе обстоят дела с юбилеем Октября... Заранее ясно, что на его родине столетний юбилей Октября будет отмечен совсем не так, как юбилей Февраля, и не так, как это можно было предполагать ещё четверть века назад.

Не так, как это могло бы быть, отметит юбилейную дату и внешний мир. Вообще не заметить её удастся вряд ли, но можно уверенно заявлять заранее, что в путинской «России» (и в ней ли одной!) на Октябрь 1917 года, на Ленина и партию большевиков будут вылиты очередные ушаты грязи. А ведь российский Октябрь 1917 года – безусловно главное историческое деяние не только XX века, но и вообще всей мировой истории. Выпускник Гарварда, американский журналист Джон Рид приехал в Россию в 1917 году как всего лишь хроникёр бурно развивающихся событий, а в результате был увлечён ими, стал их активным участником, членом Исполнительного Комитета ленинского Коммунистического Интернационала. В 1920 году Рид умер от тифа и был похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены. А в марте 1919 года он опубликовал в США книгу с «культовым», как сейчас принято говорить, названием: «10 дней, которые потрясли мир». И она выдержала в течение года три издания. Тогда мир очень чутко прислушивался к пульсу России и понимал, что судьбы народов решаются там – в Петрограде, в Москве, на русских равнинах... Сейчас об этом не очень-то хотят вспоминать, но есть ведь и объективная реальность, и она заключается в том (желает того кто-то или не желает), что уже скорый 100-летний юбилей Октября принадлежит не столько даже настоящему, сколько будущему России и мира.

В своё время предрекали, что советские люди будут встречать столетие Октября в окопах – мол, для этого постараются и США, и НАТО, и Китай... Увы, этот прогноз не сбывся, и именно что – «Увы!»... Лучше уж было бы встретить 100-летний юбилей Октября в окопах – как встречали в окопах 24-ю октябрьскую годовщину 7 ноября 1941 года советские воины, сплочённые общей целью победить, чем сидеть разобщёнными в той зловонной духовной выгребной яме, в которую постепенно превращают Россию её властители и грабители.

Впрочем, в эту же духовную яму мировой олигархат превращает и всю планету. И спасителен здесь лишь новый социализм, а прийти он может лишь из России, народы которой сто лет назад совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Сегодня Россия лишь деградирует, чему лишнее свидетельство – итоги сентябрьских выборов 2016 года. Причём в современной деградации России, которая сегодня не производит, например, ни одного грамма витаминов, роль Запада оказалась более чем значительной... Однако удельный вес Америки в более чем столетней подрывной и разрушительной работе против России является всё же преобладающим. Как заявил Збигнев Бжезинский – выдающийся «кадр» «холодной войны» – в своей книге «The Grand Chess-board: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives» («Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические императивы»): «Новый мировой порядок при гегемонии США создаётся против России, за счёт России и на обломках России».

Сказано нагло, откровенно, но – по существу! И началось ведь это не в 1991 году и даже не в 1917-м, а намного, намного раньше. Элита Америки была органически враждебна России чуть ли не с момента образования Соединённых Штатов – даром что Россия относилась к США лояльно ещё со времён Екатерины II Великой. А вопрос о злобещей роли США непосредственно в событиях 1917 года в России – один из важнейших как с позиций чисто исторического исследования, так и с позиций современной практической политики.

Американскому «следу» в подготовке российского Февраля 1917 года и в противодействии российскому Октябрю 1917 года в основном и посвящена моя книга. Однако в том, что она названа так, как названа, есть свой смысл. «Гучковско-милюковский» Февраль 1917 года готовился как верхушечная совместная акция российской и англосаксонской имущей элиты. Ленинский же Октябрь 1917 года стал широким общенациональным движением народов России, подлинно народной революцией, спасающей Россию от политического раздробления и экономического подчинения англосаксонскому Западу во главе с Америкой. И даже такой последовательный и убеждённый ненавистник России, как Уинстон Черчилль, признавал, что именно большевики во всех регионах разваливающейся Российской империи, начиная с Украины, вели борьбу против их отделения от России.

Февраль затевали для элиты, Октябрь совершали для народа. Истинность данного тезиса оспаривали сто лет назад – в разгар событий, оспаривают через сто лет после событий, но оспаривают лишь те, кто или принадлежит к имущей элите, или обслуживает интересы этой элиты, всё более обуреваемой необузданными вожделениями и всё более отвратительной в своём противостоянии интересам народов.

Сегодня Америка по-прежнему работает против России – не путинской «России», конечно, а России великой, единой и неделимой, России – извечной собирательницы народов вокруг великорусского ядра триединого русского народа, России, идущей от Киевской Руси с градом Киевом – «матерью городов русских», России, новейшее могущество которой было заложено её народами под руководством Ленина и Сталина.

Но Америка *так же и с теми же целями* работала против России и четверть века назад, и полвека назад, и век назад, и даже два века назад, ибо для элитарных кругов США приемлема лишь одна Россия – даже не слабая, не униженная и подчинённая Америке, а расчленённая и уничтоженная Америкой. В книге о 1917 году история давних – и дооктябрьских, и дофевральских – диверсий и провокаций Соединённых Штатов против России затронута, естественно, лишь кратко, но не сказать о них вообще ничего – было невозможно. Ибо, не охватывая вопрос в его полной ретроспективе, мы не сможем увидеть во всей полноте возможные перспективы России – как обнадеживающие, так и удручающие.

Впрочем, лично автор рассчитывает всё же на умное, свободное, обильное и великое будущее нашей Родины, чего желает и читателям его книги.

Итак, приступаем...

Америка, Европа и Россия до 1917 года: краткий экскурс в историю

ПРИНЯТО говорить о трёх русских революциях, понимая под первой революцию 1905–1907 годов, под второй – Февральскую 1917 года, и под третьей – Октябрьскую того же 1917 года. О Ленинграде так и писали: «город трёх революций»... Подобное деление вполне оправдано, хотя революционный процесс 1917 года, начавшись в Феврале, усиливался и нарастал вплоть до Октября, *не прерываясь*. Некоторый спад революционной активности после расстрела Июльской демонстрации Временным правительством был лишь короткой тактической паузой. Но следует чётко понимать, что Февраль и Октябрь были порождены абсолютно разными, резко антагонистическими политическими факторами, и поэтому говорить о *преемственности* Февраля и Октября не приходится, хотя и во второй, и в третьей русской революции принимали участие одни и те же общественные силы и слои.

Февраль в своей исходной фазе стал порождением элиты и задумывался в интересах имущих, эксплуататорских классов. Февраль имел целью сохранение политической власти имущих, лишь с заменой властной надстройки с царского самодержавия на буржуазный парламентаризм.

Октябрь стал результатом деятельности антиэлитарных сил в интересах неимущих, эксплуатируемых классов во имя установления политической власти трудящихся масс с полным, коренным изменением самих основ общества, начиная с экономического базиса, с отношений собственности на средства производства – с передачей прав собственности на фабрики, заводы, землю и земные недра в руки рабочих и крестьян.

Ленинский российский Октябрь 1917 года и его истоки вполне можно понять, не привлекая к анализу внешние факторы, включая фактор США, потому что Октябрьская революция имела глубоко национальные корни. В случае же с Февралём всё обстоит наоборот. Российский буржуазный Февраль 1917 года без рассмотрения его через призму интересов и устремлений мировой имущей элиты, и особенно элиты США, мы просто не поймём верно и не увидим его так, как он состоялся в реальном масштабе исторического времени. Октябрь 1917 года – антагонист элиты США, Февраль 1917 года – как «спецоперация» имущей элиты – неразделим с интересами США и во многом ими определялся. Об этом дальше не раз будет сказано при подкреплении заявленного тезиса аргументами и фактами.

Но, как уже отмечалось выше, подрывная работа Америки против России началась отнюдь не с Октября и даже не с Февраля 1917 года, а намного раньше. Поэтому отправная точка пути к верному пониманию Февраля 1917 года с учётом фактора США находится во времени далеко за пределами XX века – в XIX, даже – в XVIII веке, куда мы вскоре и отправимся.

Попутно нам придётся предпринять хотя бы краткий экскурс (то есть отступление от главной темы) в историю формирования противоречий между Англией, Германией и Америкой, потому что в этих противоречиях и в столкновении интересов трёх мировых держав прямо или опосредованно присутствовал «российский» аспект. Россия не принимала участия в игре мировых сил как полноправный игрок, она была для трёх главных игроков тогдашнего мира не более чем картой, но – картой козырной. Не понимая политики США в отношении Германии, Англии и Европы в целом, мы не поймём и политики США в отношении России. Не поймём мы и российского 1917 года, не сможем проследить путь, которым Россия шла (и которым Россию отчасти вели) к «февральскому» взрыву.

Европа и Соединённые Штаты Америки...

Россия и США...

Сегодня у историков и у общества в целом есть всё для того, чтобы выработать верный взгляд на их отношения, на историю и суть этих отношений. Но выработан ли этот взгляд? Осознана ли исключительно негативная роль не Соединённых Штатов – как цивилизационного явления, а роль имущей элиты Соединённых Штатов в разложении и унижении Европы и мира? Распознана ли – хотя бы в России – особая антироссийская ипостась этой элиты, враждебной к России в той мере, в какой Россия усиливается, и лицемерно лояльной к России в той мере, в какой Россию этой элите и её агентам удаётся ослабить?

Что ж, с одной стороны, утверждение, что современная политика Соединённых Штатов Америки направлена против интересов Европы (точнее – широких масс Европы) и против России постепенно становится общим местом даже в путинской «России». С другой стороны, даже сегодня плохо осознано, что уже акт образования Соединённых Штатов в конце XVIII века был по своему смыслу не столько антибританским, сколько направленным в перспективе против всего мира вообще, включая Россию. Причём полное понимание сути американского фактора в истории мира и России возможно лишь при марксистском подходе к анализу прошлого, переходящего в настоящее и программирующего будущее.

В XIX веке Соединённые Штаты неуклонно расширяли свою территорию от Атлантического океана к Тихому за счёт продвижения на Запад пионеров «фронта», а также прикупая земли: у Англии – Орегон, у Франции – Луизиану, у России – Аляску с Алеутами и архипелагом Александра.

Техас, Новую Мексику и Калифорнию Америка попросту аннексировала у Испании и Мексики.

XX век знаменовался широким выходом США на арену мировой политики с исключительно гегемонистскими целями. С годами подобные устремления лишь развивались. Причём на протяжении почти всего XX века – уже с его начала – одним из важнейших элементов внешней политики США стали амбициозные планы в отношении России, которая всё более мешала установлению гегемонии США.

В XXI веке, после того как усилиями США Россия оказалась в тотальном системном кризисе, антироссийская активность США не только не снизилась, но лишь возрастает. У Америки впервые в истории появилась возможность окончательно сбросить Россию с той «Великой шахматной доски», в виде которой элита Америки представляет себе мир.

В XIX веке, особенно в первых двух его третях, видимое мировое влияние США – страны, тогда по преимуществу аграрной, было небольшим. Затем Америка стала неуклонно наращивать свою мощь, и к XX веку обрисовались контуры такого мира, властителем которого желала стать и могла стать Америка – в том случае, если бы она нейтрализовала и ослабила своих наиболее вероятных геополитических конкурентов – Англию, Германию и Россию.

Последнюю державу далеко не все видели в роли потенциального мирового лидера, хотя объективный комплексный потенциал России был настолько велик, что при его эффективном использовании Россия была способна обойти всех, включая США. Впрочем, говоря так, я одновременно предостерегаю читателя от доверия к тем, кто утверждает, что Россия и обошла бы всех, если бы не Ленин, не Октябрь 1917 года и не большевики... Всё было как раз наоборот. Извратители исторической истины заявляют, что Россия стала бы быстро развиваться, если бы революционный процесс в 1917 году завершился Февралём, но это – всего лишь ложь. В своё время мы увидим, что, если бы не Ленин и не Октябрь 1917 года, постфевральская Россия оказалась бы на положении экономической полукolonии ангlosаксов и политического сателлита США.

К началу XX века задача дестабилизации и ослабления европейских соперников, реальных и потенциальных, становилась для Америки уже окончательно насущной и актуальной. По отношению к России планы Америки были ещё более радикальными – задачей-максимум

здесь было полное подчинение экономики, а следовательно, и политики России интересам элитарных кругов США.

Вопросу дестабилизирующего влияния США на ситуацию в России и посвящена моя книга, причём особое внимание уделено периоду, предшествующему вступлению США в Первую мировую войну в апреле 1917 года и связи этого последнего события с событиями российского Февраля 1917 года. Однако вряд ли мы сможем понять всё, что нам следует понять в 1917 году, без краткого взгляда на предыдущую историю США и мира, начиная, по крайней мере, с Нового времени.

Очень давно – на рубеже XVIII и XIX веков – будущий князь Беневентский, Шарль-Морис Талейран, дипломат всех французских правительств с конца XVIII века до начала 30-х годов XIX века, прозорливо предупреждал:

«На Америку Европа всегда должна смотреть открытыми глазами и не давать никакого предлога для обвинений или репрессий.

Америка усиливается с каждым днём. Она превратится в огромную силу, и придёт момент, когда перед лицом Европы, сообщение с которой станет более лёгким в результате новых открытий, она пожелает сказать своё слово в отношении наших дел и наложить на них свою руку.

Политическая осторожность потребует тогда от правительств старого континента скрупулёзного наблюдения за тем, чтобы не представилось никакого предлога для такого вмешательства.

В тот день, когда Америка придёт в Европу, мир и безопасность будут из неё надолго изгнаны».

Эти слова Талейрана стоило бы отлить в бронзе, а бронзовые доски с ними установить на главных площадях всех европейских столиц и во всех европейских парламентах, включая Европарламент. Здесь концентрированно предсказана вся европейская история XX века и начала XXI века.

Находясь в особенно бурные годы Великой Французской революции в эмиграции за океаном, Талейран сблизился с рядом «отцов-основателей» США. Скорее всего, именно тогда он смог узнать многое о подоплёке событий начинающейся государственной истории США и перспективных планах наднациональных сил. Ведь именно эти, не склонные афишировать себя, силы активно способствовали обретению заокеанскими территориями Британии собственной государственности. И, оформленная в виде федерации тринадцати Соединённых Штатов, Америка сразу задумывалась не как противовес Старому Свету, а как его будущий диктатор, если не могильщик.

Даже краткий анализ истории усиления – во многом искусственно стимулированного – Америки в течение XIX века выходит за рамки этой книги, и просто напомним, что именно США провели в 1898 году первую в мире подлинно империалистическую войну – с Испанией за новые колонии. Ещё до этого, в 1893 году, США оккупировали Гавайские острова. В 1898 году младший друг и единомышленник будущего президента США Теодора Рузвельта журналист Уильям Уайт, играя в откровенность, писал:

«Когда испанцы сдались на Кубе и позволили нам захватить Пуэрто-Рико и Филиппины, Америка на этом перекрёстке свернула на дорогу, ведущую к мировому господству. На земном шаре был посеян американский империализм. Мы были осуждены на новый образ жизни».

Как это обычно у американских идеологов и бывает, Уайт лицемерил. Не слабость Испании, не захват Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин якобы развернули США на дорогу к мировому господству, а курс элиты США и их европейских доброжелателей на мировое господство Аме-

рики открыл эпоху нарастающего распространения влияния США на глобальный политический процесс. Миром XIX века и начала XX века правила Британия, но миром XX и XXI века должны были править – по задумке наднациональной Элиты и имущей элиты США – Соединённые Штаты.

К XX веку вполне определённо оформилось противостояние Британской и Германской империй, но у «великой шахматной доски» мировой политики прочно обосновывался и третий «игрок» – США. Именно Америка и объединённая «железом и кровью» Германия выходили в лидеры промышленного прогресса. Британия же постепенно утрачивала свою былую промышленную монополию и всё более становилась жертвой своих необъятных колоний, население которых в 10 раз превышало население метрополии. Английская промышленность ориентировалась на выпуск дешёвых массовых потребительских товаров для продажи в колониях, и в первые десятилетия XX века 57 % всех английских промышленных рабочих и служащих было занято в отраслях, так или иначе связанных с колониальной монополией Англии. В текстильной и швейной промышленности было занято больше рабочих, чем во всём английском машиностроении.

Чтобы лучше понять ситуацию, возьмём в качестве примера такую важнейшую отрасль, как чёрная металлургия. В 1830 году в Англии было произведено 700 тысяч тонн чугуна, а к началу 1870-х годов его производство превысило 6,5 миллиона тонн и основная доля мирового производства приходилась на Англию. В Германии и США вплоть до 1860 года производство чёрного металла находилось на низком уровне. Но уже в 1890 году США превзошли Англию в производстве стали, и к 1913 году производили стали в 4 раза больше, чем Англия. Причём если Англия выплавляла в основном кислую мартеновскую сталь в устаревающих кислых печах, то американское производство на $\frac{2}{3}$ состояло из основной мартеновской стали и на $\frac{1}{3}$ из бессемеровской стали. Германия тоже развивалась стремительно. Прекратив выплавку стали в кислых печах, немцы в 1893 году догнали Англию по производству стали, а к 1913 году Англия оказалась отброшенной на третье место.

В 1902 году английский экономист Эшли (W. J. Ashley) с тревогой отмечал, что за последние 30 лет в Англии существенно вырос лишь экспорт угля и тех продуктов, производство которых связано с использованием дешёвой неквалифицированной рабочей силы, и что английской промышленности грозит упадок «вследствие научных достижений Германии и методов массового производства, применяемых в Соединённых Штатах». Подобные тревоги были более чем обоснованы, и среди трёх важнейших стран-производителей Англия оказывалась перманентно третьей, причём особенно проигрывала двум лидерам в передовых отраслях. США занимали первое место в мире по экспорту автомобилей и станков, Германия – по экспорту электроламп и большинства видов электротехнической аппаратуры.

С одной стороны, Англия казалась вечным колоссом, способным указывать даже Соединённым Штатам Америки. Ценные бумаги, вложенные в английские колонии, к 1913 году приносили их владельцам 200 миллионов фунтов стерлингов годового дохода. При этом уровень годового дохода в сто фунтов позволял его получателю – хотя и достаточно скромно – сводить концы с концами.

В то же время «нездоровое» колониальное богатство разъедало основы могущества Британии. Английское золото растекалось по земному шару, а результатом становилась нехватка его для наращивания внутренней мощи. В 1913 году США выплавляли 31,3 миллиона тонн стали, Германия – 17,3, а Англия – всего 7,7 миллионов. Не имея таких колоний, как английские, немцы работали над созданием мощной страны внутри её собственных границ. Англичане же «несли бремя белого человека» по всему свету. В итоге непосредственно Англия утра-

чивала темпы, новые отрасли промышленности развивались в ней слабо, медленно – в отличие от Германии и США.

Соответственно, политика не только Америки, но и Германии постепенно также приобретала империалистический оттенок. Аппетиты у кайзеровской Германии были немалыми, но их трудно было назвать непомерными: аппетит был по экономическому организму Рейха, быстро растущему и нуждающемуся в сырье и рынках сбыта. Причём даже без войны немцы активно завоёвывали мир своим умением работать. Русский дипломат Николай Николаевич Шебеко докладывал в 1911 году в МИД о планах развития Багдадской железной дороги:

«В настоящем своём фазисе сооружаемый путь представляет уже прекрасный сбыт для изделий германских фабрик и заводов, так как весь железнодорожный материал доставляется из Германии. В будущем законченном виде дорога даст возможность германской промышленности наводнить своими продуктами Малую Азию, Сирию и Месопотамию, а по окончании линии Багдад-Ханекин-Тегеран также и Персию».

Эти пути на Восток немцы, в отличие от англичан, пролагали не огнём пушек и сталью мечей, а огнём домен и рельсовой сталью! У пангерманской идеологии были убедительные материальные обоснования.

Давний конфликт немцев и французов, подогретый отторжением у Франции Эльзаса и Восточной Лотарингии после франко-прусской войны 1870–1871 годов, накладывался на новый конфликт империалистических интересов Германской и Британской империй и уже в ближней перспективе обуславливал образование англо-французской Антанты. (России здесь заранее была обеспечена роль пристяжной, а точнее, «рабочей» лошади.)

Классик советской историографии, академик Тарле отзывался о мощи Антанты в степнях только превосходных: «Соединённые силы Антанты были... колоссальны, её материальные возможности были... безграничны...» и т. п. Однако статистика говорила об обратном. В 1913 году удельный вес Германского Рейха (без Австро-Венгрии) в мировом машиностроении составлял 21,3 процента. А всей Антанты – Великобритании, Франции и России, вместе взятых, – 17,7 процента.

На долю США приходилось при этом 51,8 процента!

Впрочем, была ситуация свойственна и другая статистика. В 1900 году почти 75 % американского экспорта шло в Европу, а в 1913 году – только 59 %! И основной причиной было усиление Германии. Выходило, что из-за немцев капитал США терял свое влияние в Европе с темпом более одного процента в год! И это – на фоне планов США по части их будущего мирового господства. Англия Америку особо не беспокоила: было ясно, что колониальная Британия окажется в XX веке колоссом на глиняных ногах и бывшее могущество утратит, а ведущей силой англосаксов станут Соединённые Штаты, если... Если этому не помешает Германия, особенно если станет реальностью прочный стратегический союз Германии с Россией.

Иными словами, Германия оказывалась в начавшемся XX веке не просто опаснейшим экономическим конкурентом Америки, но и её злейшим геополитическим врагом.

Тем не менее даже после Первой мировой войны (и даже по сей день) многие историки так и не смогли избавиться от уверенности, что мотивы той войны определялись неизбежностью «пробы сил» между Германией и Англией, ведь к началу войны именно эти две страны были индустриализованы в наибольшей мере. В 1907 году процент рабочих и служащих в торговле, транспорте и промышленности по отношению ко всему самодеятельному населению составил для Англии 45,8 %, для Германии – 40 %, а для США – всего 24,1 %. Поэтому фактор США считал второстепенным даже такой историк-энциклопедист, как Евгений Викторович Тарле. В своих работах по тому периоду он дал нам отличный фактический материал, а

тенденцию так и не увидел, как не увидела её, пожалуй, и вся советская историография Первой мировой войны.

Объективный же анализ показывает, что в перспективе XX века основным мировым противоречием выступало уже не англо-германское, а американо-германское. Вот что писал 1 января 1898 года германский посол в Вашингтоне Хольлебен:

«Противоречия между Германией и Соединёнными Штатами в экономических вопросах, всё более и более обостряющиеся со времени великого подъёма, испытанного Германией в качестве экономической силы, поскольку речь идет о настроениях в США, вступили в острую стадию.

Сейчас Германия в здешней прессе и в обывательских разговорах является, безусловно, самой ненавидимой страной. Эта ненависть относится в первую очередь к стесняющему конкуренту, но она переносится также на чисто политическую почву. Нас называют бандитами и грабителями с большой дороги. То обстоятельство, что недовольство против нас заходит так далеко и проявляется сильнее, чем против других конкурентов, объясняется здесь страхом перед нашей возрастающей конкурентоспособностью в хозяйственной области и перед нашей энергией и возрастающей мощью в области политической».

Оценка Хольлебена не только ярка и точна – она ценна ещё и тем, что лишний раз доказывает: в преддверии XX века Англию как серьёзного в перспективе конкурента в США не рассматривали. Зато там очень опасались Германии.

Ниже приведена ещё одна – намного более поздняя – оценка тогдашней ситуации, причём принадлежит она не немцу, а американцу – экономисту Ричарду Сэюли, автору книги «ИГ Фарбениндустрii», изданной на Западе в 1947 году и в 1948 году переведенной в СССР:

«Начавшая было развиваться американская химическая промышленность... была подавлена немцами в период, предшествующий Первой мировой войне. Одним из средств, при помощи которого был достигнут этот результат, явилось снижение цен. В течение десяти лет, с 1903 по 1913 г., немецкие фабриканты продавали, например, салициловую кислоту в США на 25 % дешевле, чем в самой Германии. Это также относилось и к бром, щавелевой кислоте, анилину и другим продуктам. Подобным же средством был и „принудительный ассортимент“: чтобы купить какой-либо особенно нужный продукт из числа изготавливаемых немецкими фирмами, американцы должны были купить весь ассортимент продукции. Таким образом происходило вытеснение с рынка американских фирм».

Чтобы сорвать *экономическую* мировую экспансию Германии (в том числе – в самой Америке), Америка и спланировала *военное* подавление потенциала Германии руками Антанты, к которой пристегнули Россию. «Германский» мотив был, конечно, не единственным, двигавшим Соединённые Штаты к провоцированию большой войны в Европе, но это был очень значимый мотив. Возможно, даже более значимый по сравнению с «русским» мотивом.

РОССИЯ была опасна для США двояко. Во-первых, она представляла опасность сама по себе, как потенциальная сверхдержава. Но это была опасность в дальней перспективе. В реальном же масштабе исторического времени, когда наднациональными политиками и элитой США замыслилась европейская война, опасным было то, что без сраживания дружественных друг другу России и Германии не обеспечивалось длительное течение войны. Даже при просто нейтральной России германо-австрийский блок (да ещё при подключении к нему Тур-

ции) почти гарантированно был способен разгромить французскую армию и английский экспедиционный корпус в считанные месяцы. А тогда в войну не успели бы вступить Соединённые Штаты. Да и исход войны оказался бы прямо противоположным исходу, планируемому Америкой. То есть Россия – даже нейтральная – была опасна для Соединённых Штатов Америки с позиций обеспечения их конечного успеха на пути к мировому господству.

Ещё более опасна была Россия, заключившая с Германией военный союз. Прочный дружественный стратегический союз двух взаимно дополняющих друг друга держав означал бы, что XX век будет веком не Америки, а веком, где мировой процесс направляют Россия и Германия, при возрастающем лидерстве России.

Конечно, обретение первоклассной мощи Россией затруднялось уже сильной зависимостью российской экономики от иностранного капитала, однако если бы Россия не была вынуждена истощать себя в длительной войне, то не исключено, что национально ориентированные силы могли бы и вырвать Россию из опутывавшей её паутины внешних долгов и иностранных инвестиций.

Российская промышленная элита была, правда, весьма мелкотравчатым материалом для грандиозных, прорывных мегапроектов, но при разумном союзе с Германским Рейхом формально монархическая, а фактически уже почти буржуазная Россия могла шагнуть широко и далеко. Главное же – только прочный союз России с Германией исключал большую европейскую войну с участием России – для России губительную и ненужную. Соответственно, отрыв России от Германии и сраживание Германии и России становились насущной задачей для Франции, для Англии, но прежде всего – для Америки. Без взаимного российско-германского мордобоя шансы Америки на будущее управление миром падали бы катастрофически. А планировалось-то наоборот!

В 2005 году профессор-экономист итальянского происхождения из университета Вашингтона в Такоме Гвидо Джакомо Препарата в крайне любопытной монографии «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх» провёл исследование мирового политического процесса применительно к англосаксонским корням Первой мировой войны и писал:

«Главная цель... – не допустить стратегического союза между Германией и Россией: если эти две державы сольются в „братском объятии“, то, как не без оснований полагали британские правящие круги, они обеспечат себя такими неисчерпаемыми источниками ресурсов, людей, знаний и военной мощи, что смогут угрожать самому существованию Британской империи в наступающем столетии».

Препарата уловил «нерв» тогдашней мировой ситуации верно, однако неверно расставлял приоритеты: стратегический союз между Германией и Россией угрожал не столько перспективам Британской империи, сколько планам мирового господства Америки. Но Америка так умело маскировала эти планы, что даже такой тонкий аналитик, как Сталин, видел главную пружину Первой мировой войны в конфликте Англии и Германии. А Большая Советская энциклопедия в 1929 году в томе 15-м на странице 601-ой утверждала:

«По существу история мировой торговли в эпоху империализма (до войны 1914-18) является историей напряжённого соревнования между Германией и Англией. Германский купец преследует английского буквально во всех частях света. В Южной Америке, в Японии, в Китае, в Персии, в Тунисе, в Марокко, в Египте, в Бельгийском Конго – во всех этих странах удельный вес импорта из Германии повышается, а из Англии уменьшается. Германские товары начинают вытеснять английские даже на рынках британских колоний».

Эта информация верна, но неполна. То же самое, что было сказано в БСЭ о напряжённом соревновании между Германией и Англией, следовало сказать и о Германии с Америкой, подчёркивая особую остроту именно их экономического противостояния.

МНОГИЕ, очень многие ни в реальном масштабе времени – как тот же академик Тарле или авторы БСЭ, – ни позднее, так и не поняли всей сути замысла Первой мировой войны. Подробно об этом я написал впервые в своей книге 2003 года «Россия и Германия – стравить!», переработанное издание которой вышло в свет в 2014 году под названием «Политическая история Первой мировой». Если же говорить кратко, замысел состоял в следующем...

Вначале необходимо было политически и психологически развести Россию и Германию, затем привязать (политически, военно-политически и займами) Россию к европейской Антанте и сделать невозможным военный союз между Германией и Россией.

Когда исходные позиции для войны будут подготовлены, следовало войну – при формальном нейтралитете США – начать и обеспечить длительность военных действий, подпитывая конфликт американскими займами воюющим сторонам и отдавая львиную долю Антанте. А когда европейцы измордуют друг друга до полусмерти и увязнут в долгах Америке, всегда можно будет, как это предсказывал за сто с лишним лет до начала XX века проницательная лиса Талейран, найти предлог(и) для прямого вступления в европейскую войну «стопроцентных янки» как высших и окончательных вершителей судьбы Старого Света.

Подлинным организаторам Первой мировой войны был заранее ясен и ход её, и исход. И странно, что это отрицалось таким, например, крупнейшим специалистом по эпохе, как академик Тарле. Он писал: «Конечно, для капиталистических классов всех (подчёркнуто Тарле. – С.К.) стран, особенно всех великих держав, был элемент риска; математически непрерываемой надежды на победу не было ни у кого».

Тарле был не прав тут в корне. Что касается Соединённых Штатов (и только Соединённых Штатов!), то они имели в той войне нечто большее, чем надежды на победу. Риск для США заранее был сведен к нулю, зато победа рассчитывалась с математически непрерываемой точностью. Не был учтён Америкой лишь фактор Ленина, вставшего в 1917 году во главе широких народных масс России.

Заранее не приходилось сомневаться, что в случае войны Германия Антанте будет бить. И что США начнут поддерживать Антанту вначале «по факту», без прямого вступления в войну. А вот когда Германия Антанте почти побьёт, США вмешаются уже открыто и сведут окончательный баланс в свою пользу.

Собственно, для того чтобы понять многое в закулисной, но реальной предыстории и истории Первой мировой войны, достаточно внимательного и вдумчивого изучения феномена «полковника» Эдварда Мандела Хауза – личного представителя президента США Вильсона. Избранный как «президент мира» и ставший в действительности «президентом войны», Вильсон был доверенным лицом промышленно-финансовых магнатов, а доверенным лицом Вильсона считался полковник Хауз – эmissар президента США в Европе в 1914–1917 годах. Впрочем, для элитарных кругов США Хауз тоже был своим.

Вильсон отправил Хауза за рубеж весной 1914 года с миссией ответственной и деликатной. Официально провозглашалось, что задача Хауза – предупредить вооружённое столкновение в Европе. В действительности же он должен был оценить готовность европейских держав к войне. Начать её – в случае их готовности – было делом техники.

Хауз инспектировал Европу на предмет готовности её «верхов» к развязыванию войны до войны, он же держал руку на пульсе европейской войны и в ходе её. Причём можно лишь удивляться той лицемерной наглости, с которой Хауз в конце 1915 года мотивировал желательность «более активного участия» США в делах Европы, заявляя: «США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором».

Подобными заявлениями в сознание политиков и историков внедрялась фальшивая версия о том, что мысль о вступлении в войну на стороне Антанты возникла у США лишь в ходе самой войны, неблагоприятно складывавшейся для Антанты, и что президент Вильсон лишь постепенно проникался этой идеей. Даже Ленин смотрел на проблему примерно так же, считая, что Америка была *втянута* в войну.

В принадлежащей перу советского дипломата и историка И.Г. Усачёва политической биографии Джона Фостера Даллеса – о нём у нас ещё будет повод поговорить – цитируется давняя (1955 года) книга А.С. Линка «American Epoch» («Американская эпоха»), где приведены слова некоего крупного представителя военной элиты США: «Мы знали, что в Европе созревает огромный конфликт. Мы чувствовали это в 1908 году и израсходовали суммы, необходимые для организации и поддержания механизма по продаже оружия по всей Европе».

Знать об этом заявлении полезно, однако оно – не более чем полупризнание... Правящие имущие круги США не просто знали, что в Европе созревает огромный конфликт, а последовательно готовили Европу к нему.

Всё вышесказанное имеет своей целью подвести наше повествование к основной теме книги – зловещей роли США в русской истории начала XX века – до Первой мировой войны, в ходе войны и двухактной русской революции 1917 года, вплоть до Гражданской войны, инициированной не то что при участии США, но при их *решающей* роли. Однако здесь необходим, пожалуй, ещё один исторический экскурс на тему: «Россия и Америка»...

РОССИЮ в США льстиво именовали «историческим другом». И отношения с Америкой в дореволюционной России нередко рассматривали как действительно дружественные, причём на этот счёт заблуждались и правящие «верхи», и широкая публика. 17(30) марта 1916 года первый секретарь посольства России в Вашингтоне И.Г. Лорис-Меликов подал по начальству записку, в которой писал о «столь желательном сближении нашем с Америкой в торгово-экономическом, а может быть, и в политическом отношении». Лорис-Меликов был убеждён и убеждал российский МИД: «...при настойчивой и умелой постановке просветительской кампании в Америке нам нетрудно будет завоевать симпатии американского народа...».

Несмотря на точность многих частных оценок и наблюдений, в целом записка Лорис-Меликова являла собой образец самообмана – в лучшем случае – или ангажированного лоббирования – в худшем. Для монархически-буржуазной России возможен был лишь один вид отношений с Америкой – клиента США. Тем не менее для российских либералов – даже таких англоманов, как профессор-кадет П.Н. Милюков, США были чуть ли не образцом для подражания, более желательным даже, чем британский образец. Хотя для верного взгляда на то, что есть Америка для России и чем она может быть для России, достаточно было знать историю Русской Америки – российских владений на северо-западе Американского континента. Истеблишмент США подбирался к ним давно. Ещё 2 декабря 1823 года президент Соединённых Штатов Монро в торжественном послании конгрессу категорически провозгласил, что территории в Западной полушарии не должны рассматриваться «в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». И острое формирующейся «доктрины Монро» было сразу направлено против владений России в Америке. А во время Крымской войны сенатор от штата Нью-Йорк Уильям Генри Сьюард прямо заявил в Сент-Поле (штат Миннесота):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.